

ЧАСТЬ I

Мужчина у канала

В глазах потемнело, а в мыслях промелькнуло: «Зачем я это сделала?!» Но остановиться Лидия не смогла бы, даже если бы захотела, — рука потянулась к картине помимо ее воли. Тело обжигали огненные струи, в ушах раздавались треск и шипение, как от сломанного телевизора. Лидия летела в пропасть. «Падаю, как Алиса в кроличью нору... Как же дедушка меня найдет?» — подумала она и потеряла сознание.

Придя в себя, Лидия услышала тихий плеск воды. Открыв глаза, она зажмурилась от солнца. Пошевелив руками и ногами, Лидия почувствовала, что тело ноет, а голова ужасно тяжелая. Лежала она на чем-то твердом. Ощупав землю вокруг, Лидия поняла, что это булыжники. Повернув голову, она увидела высокую деревянную мачту с флагом на верхушке. Мачта покачивалась из стороны в сторону под звук бьющихся о нее

вант. Пахло смолой. Лидию затошнило, и она снова закрыла глаза. «Если не смотреть, — подумала она, — то все это, наверное, исчезнет и я снова окажусь в музее с дедушкой. А если нет, то я заплачу. Хотя плакать с закрытыми глазами неудобно, так что лучше не буду. Наверное, это сон. Но тогда почему булыжники такие твердые? И почему так ужасно пахнет смолой? Разве во сне чувствуешь запахи? Или меня усыпили и похитили? Это очень даже возможно. А вдруг я умерла? Или оказалась на другой планете?» Последнее время с Лидией происходили такие странные вещи, что она могла поверить во что угодно.

Тошнота понемногу отступала, и Лидия решила снова открыть глаза. Лежать с закрытыми глазами в совершенно незнакомом месте — дело рискованное. Лучше быть начеку. Лидия села. Вдоль выложенной булыжником набережной возвышались не одна, а несколько мачт и теснились пришвартованные шхуны и баржи. Но это была не гавань, а скорее канал. На противоположной стороне канала стояли каменные дома с нарядными ставнями, узорчатыми рамами и ухоженными палисадниками. За крышами домов розовело небо. Значит, восход. Или закат. Лидия уловила затхлый запах застоявшейся воды и поморщилась. К счастью, тут же подул ветер и унес вонь. Лидия глубоко вдохнула. Значит, она в каком-то городе, где есть каналы. И где очень тихо: только вода плещется и корабли поскрипывают. Людей не видно. И машин не слышно.

«Осталась я одна на всем белом свете, — подумала Лидия. — А ведь дедушка меня звал... Ну почему я не пошла к нему?!»

Лидия прислушалась: до нее донесся звук шагов. Она оглянулась, готовясь к бегству.

— Почему ты сидишь на земле, мальчик?

Рядом с Лидией, застывшей от ужаса, выросла фигура мужчины.

— Не бойся, — сказал он и весело подмигнул.

Это был старик с огрубевшим красным лицом и носом-картошкой. Из-под мятой белой шапки выбивались пряди седых волос. Одет он был в темный, запятнанный краской кафтан из грубой материи с красно-бурым воротником. В руке, тоже испачканной красками, он держал трость. Лидия почувствовала, как страх отступает: человек, у которого руки перепачканы краской, не может быть таким уж опасным. Ведь у нее тоже пальцы всегда в разноцветных пятнах! Этот старик, наверное, любит рисовать — значит, он добрый человек. В этом Лидия была уверена.

— Я тебя здесь раньше не видел, — сказал старик. — Что ты тут делаешь, а, мальчик?

— Я не мальчик, — тихо возразила Лидия.

— Говори громче, я не слышу!

— Я не мальчик!

— Неужели девочка? — рассмеялся старик. — А почему одета как мальчик? Да и для мальчика одежда странная. А уж для девочки и подавно.

Лидия не нашла, что ответить.

— Ладно, девочка, что ты здесь делаешь?

— Если бы я знала, — печально ответила Лидия. — Я даже не знаю, где это — здесь.

— Ты заблудилась? Это улица Брестрат.

— А где это?

— Как где? В Амстердаме, конечно, — удивился старик.

Амстердам... Лидию опять затошнило. Амстердам находится в Голландии, это она знала. Как же она там, то есть тут, оказалась? Слезы были совсем близко. Лидия потеряла глаза и всхлипнула. Но тут послышались новые звуки — шаги и голоса. Лидия увидела, что вокруг есть еще люди: мужчины в черных шляпах и женщины в светлых косынках и платьях до пят. Мимо проехала телега, запряженная лошадьми. Какой-то мальчик катил к набережной бочку. Женщина несла огромный круглый сыр. Все это напоминало фильм о старых временах.

— Тебе плохо? — спросил старик, приглядываясь к Лидии. — Может быть, ты хочешь есть?

Есть... Лидия кивнула, чувствуя, что просто умирает от голода. Она готова была есть водоросли из канала!

— Тогда пойдем со мной. Хендрикье тебя покормит.

— Кто такая Хендрикье?

— Моя служанка. Она добрая и позаботится о тебе. Как тебя зовут?

— Лидия.

— Пойдем, Лидия, — решительно повторил старик. — Потом все расскажешь.

Лидия не решалась встать. Стоит ли идти домой к старику? Вдруг он вовсе не такой добрый, хоть и руки в краске? Но у Лидии болела голова, и ей страшно хотелось есть, поэтому в конце концов она встала и из последних сил поплелась за стариком. Многие встречные здоровались с ним: мужчины приподнимали шляпы, а женщины приседали. Лидия робела от любопытных взглядов.

— Почему здесь все такое старинное? — спросила Лидия. — Все как в кино, люди в старомодной одежде... И где велосипеды и машины?

— Какие странные вещи ты говоришь... Что такое «машины»?

Лидия замерла на месте. Старик тоже остановился.

— Только не это! — взмолилась Лидия. — Это старые времена? Правда?

Старик изумленно смотрел на нее.

— Ты, наверное, не в своем уме, — решил он наконец. — Старые времена — это то, что было раньше. А то, что сейчас, — это сейчас.

— Какой у вас тут год? — воскликнула Лидия. — Какой год?!

— Год? Тысяча шестьсот пятьдесят восьмой, какой же еще...

Тысяча шестьсот пятьдесят восьмой год. Взглянув на Лидию, застывшую в ужасе, старик только покачал головой. Они побрели дальше. От старика пахло растворителем и масляными красками. Наконец они остановились у большого дома из красного кирпича со ступенчатым фронтоном и резными рамами. Старик открыл тяжелую дубовую дверь, украшенную резьбой в виде листьев и цветов на вьющихся стеблях.

— Это мой дом, — сказал он. — По крайней мере пока. Милости прошу!

В полумраке за дверью виднелась мраморная лестница, ведущая вверх. Лидия опять засомневалась: стоит ли заходить? Тут ее взгляд упал на табличку желтого металла. Надпись на ней гласила: «Рембрандт ван Рейн».

Служанка

Войдя в большую темную кухню, Лидия рухнула на стул и просидела целый час, не говоря ни слова. Служанка по имени Хендрикье погладила ее по голове и выставила на стол еду: молоко, сыр, хлеб и ветчину. Но, несмотря на голод, Лидии кусок в горло не лез.

Старик что-то прошептал на ухо Хендрикье, указывая на Лидию. Она уловила слова «бедняжка», «несет околесицу», «потеряла память или просто дурочка». Вслушиваться не было сил. Вскоре старик скрылся в другой комнате, велел его не беспокоить.

Хендрикье села за стол напротив Лидии, с любопытством глядя на гостью. Обе молчали. Свет в кухню проникал через узкие окна. В огромной каменной печи горел огонь, над которым на железном крюке висел котел. На полке хранились другие котлы и прочая утварь. Рядом стояла большая бочка с водой. В шкафу виднелись тарелки и стаканы, под скамейкой — винные бутылки и глиняные кружки. Потолок был высокий, и, несмотря на полумрак, Лидия могла разглядеть черные балки. С одной из них свешивались окорока. Лидия смотрела на вещи, ничему не удивляясь. Значит, она перенеслась не только из Швеции в Голландию, но еще и на несколько веков назад. Папа, конечно, сказал бы, что это невозможно: путешественник во времени, попавший в прошлое, может, например, случайно убить своих родителей, а значит, лишит себя самого возможности появиться на свет. Нет, машины времени бывают только в книгах и в кино.

И все-таки Лидия оказалась в прошлом. Если, конечно, это не безумный сон, который никак не хочет заканчиваться. Все началось с птицы, которая украла карандаш... Впрочем, винить тут некого, сама во всем виновата. Лидия горько вздохнула.

— Ты грустишь?

Хендрикье все сидела и смотрела на Лидию, склонив голову набок и подперев щеку ладонью. Другая рука лежала на столе. Лидия вдруг поняла, что это девушка с картины в Национальном музее. Служанка, написанная Рембрандтом. Уму непостижимо! Лидия в доме Рембрандта. Старик, который подобрал ее на набережной и привел домой, — великий художник. Если подумать, то и его лицо знакомо Лидии — она видела не один автопортрет Рембрандта. Значит, она повстречала величайшего художника всех времени и народов, как говорит дедушка. Ох, если бы он был рядом... Лидия снова вздохнула. Взяв в руки кружку, она допила молоко, жирное, как сливки, и пахнущее хлебом. Однако Лидии так хотелось пить, что ей было все равно.

— Хочешь еще молока? — спросила Хендрикье.

— Нет, спасибо.

— Значит, говорить ты умеешь, — улыбнулась девушка.

— Конечно, умею, — печально ответила Лидия.

— Откуда ты родом?

— Из Стокгольма.

— Это где?

— В Швеции.

— А это где? Я в школе недолго училась... — смущенно призналась Хендрикье.

— На севере, — ответила Лидия. — И еще я из другого времени, из начала двадцать первого века. Не могу толком объяснить. Нет сил.

— Странные ты вещи говоришь... — наморщила лоб Хендрикье. — Ничего не понимаю. Ты не ударилась головой случайно?

— Я и сама не понимаю, что произошло, — удрученно ответила Лидия. — Не понимаю, как оказалась тут, в доме Рембрандта. Ведь это он, знаменитый художник?

— Да, это он! — с гордостью кивнула Хендрикье и просияла. — Он лучший художник во всей Голландии!

— А он добрый?

— Очень добрый, но только если не тревожить, когда он работает в мастерской. И еще он пьет слишком много женевера. Когда выпьет, то сначала всем доволен, а потом начинает сердиться. Но вообще сейчас у него туго с деньгами, так что настроение дурное. И еще он ссорится с Титусом.

— А кто такой Титус?

— Его сын. Единственный ребенок. Было еще три от жены Саскии, но они умерли в младенчестве. И Саския тоже умерла. Так что Рембрандту пришлось несладко.

Хендрикье встала и подошла к печи. Взяв из корзины поле-но, она положила его в огонь. На улице все сильнее задувал ветер. В окно было видно, как потемнело небо. Вскоре ударили первые капли дождя, а ветви дерева стали биться о стекло.

— Кажется, буря, — сказала Хендрикье. — Надеюсь, дамы выдержат.

Но ей никто не ответил: Лидия спала, уронив голову на стол. Хендрикье подняла ее на руки и отнесла в комнатушку рядом

с кухней. Уложив девочку на кровать и укрыв одеялом, Хендрикке еще какое-то время стояла рядом и смотрела на нее. Какая она легонькая! И руки нежные, как у госпожи. Хотя пальцы в краске, совсем как у Рембрандта.

Хендрикке посмотрела на свои руки, красные и натруженные. Целыми днями она носила воду и дрова, стирала, убирала и готовила еду. Но сейчас ее волновало не это, а странная гостья — девочка, одетая как мальчик.

Мастерская

Лидию разбудили завывания ветра, трясшего оконные стекла. Где-то хлопала дверь. Девочка долго лежала с закрытыми глазами, надеясь, что все произошедшее за последние сутки обернется сном и, открыв глаза, она окажется в собственной комнате. Но простыни были жесткими и незнакомыми, вовсе не как дома. От комковатого матраса ныла спина. Запах тоже был чужим — смесь кухонного чада и чего-то сладковато-затхлого. Наконец Лидия открыла глаза. Она лежала в крохотной комнатке с белеными стенами и оконцем. Мебели здесь почти не было — только шкаф, на котором стояли блюдо и кувшин, и коричневый стул. На стуле лежала аккуратно сложенная одежда Лидии: джинсы и куртка. Кровать была узкой и высокой: когда Лидия села, ноги не достали до пола. Было холодно, и, натягивая джинсы, Лидия дрожала всем телом.

«Я в другом мире, в другой эпохе. Прикоснулась к картине и — бах! — оказалась здесь. А вдруг я больше никогда не попаду домой? Вдруг я навсегда останусь в семнадцатом веке?» Эта мысль была так ужасна, что Лидия поспешила от нее

отмахнуться. Взяв куртку, она осторожно вышла из комнаты. Вот кухня, где она сидела с Хендрикье. Но сейчас здесь ни души. За кухней начинался коридор. Лидия приоткрыла первую попавшуюся дверь. Это была спальня, только больше той, в которой ночевала она сама. Следующая дверь была заперта. Открыв третью дверь, Лидия замерла на пороге. Комната, представшая ее взору, была больше похожа на зал. Вдоль стен стояли лавки и сундуки, посередине — черный стол и стулья с высокими резными спинками. Лидия принялась пахнуть ее любимыми красками и растворителем. Через высокие окна в зал струился дневной свет. Стены были сплошь увешаны картинами и разнообразной одеждой: расшитыми жилетами, плащами с золочеными пряжками, форменными куртками с блестящими пуговицами, бархатными шляпами, шелковыми платками и шлемами с плюмажами. В одном углу стояли рыцарские доспехи с мечом и щитом. Еще в зале было полно оружия: сабель, копий, алебард, ножей, кинжалов, стрел, а также медалей, нашейных цепей, украшений, вымпелов и гербов. Но больше всего было картин. Они висели чуть ли не одна на другой, самые разные — от простых рисунков до полотен в тяжелых золотых рамах. На полу стоял мольберт с полотном, а на столике рядом с ним теснились банки с краской, лежали кисти, ножи и палитры. Другие картины стояли, прислоненные к столу и стенам. Лидия поняла, что это мастерская Рембрандта. Она не решалась войти: вдруг художник рассердится, застав ее там? Лидия посмотрела на мольберт, но он стоял так, что полотна было не разглядеть. Любопытство пересилило страх, и Лидия вошла в мастерскую.

Картина не была завершена даже наполовину и выглядела очень чудно. Лица людей состояли из толстых неряшливых

мазков масляной краски. Нос одного мужчины был намалеван так густо, что Лидия могла бы взяться за него и поднять холст. Может быть, художник очень торопился, и потому вышло так странно? Лидия обвела взглядом стены. Большинство картин не принадлежали кисти Рембрандта, это было видно сразу. Лидия так много раз листала альбомы с репродукциями, что научилась отличать старинные полотна от написанных позже. Похоже, Рембрандт коллекционировал чужие картины. А вот рисунки были его, некоторые из них Лидия узнала. Одни изображали людей, другие — природу, пасущихся коров, мельницы, шпили церквей, дворцы и лодки на каналах.

Вдруг кто-то больно схватил Лидию за волосы. Испугавшись, она закричала и попыталась выкрутиться, но стало только больнее.

«Это старик!.. Я же знала, что он рассердится! Зачем так хватать, можно ведь словами!.. Ай!» Лидия отчаянно пыталась сбросить руку, которая держала ее волосы, и наконец нащупала... лапу! Хватка тут же ослабла. Обернувшись, Лидия увидела сидевшую на мольберте обезьянку.

— Зачем ты меня схватила? Я ужасно испугалась! — строго выговорила она, стараясь успокоиться.

Обезьянка склонила голову набок. Сморщенное личико как будто выражало сожаление. Лидия не разбиралась в обезьянах, но это, кажется, была мартышка, и притом довольно симпатичная. Лидию она явно не боялась. Наоборот, зверек протянул девочке черную лапку будто для приветствия.

— Что ж, будем друзьями! — улыбнулась Лидия и пожала мартышкину лапу. — Только не хватай меня за волосы!

Обезьянка перепрыгнула на столик и уселась среди красок и кистей. Лидия принялась осматривать мастерскую. Она

изучала плащи, шлемы, оружие и картины. Мастерская напоминала музей или аукционный зал — так много разных предметов здесь хранилось. Лидия узнавала картины Рембрандта: женщина в белой сорочке, бредущая по воде, мужчина на лошади, солдаты в шлемах. Вернувшись к мольберту, девочка увидела, что мартышка схватила кисточку и размахивает ею. Смешное зрелище!

Жаль, что нет фотоаппарата, подумала Лидия и тут же вспомнила, что в кармане лежат блокнот и карандаш. Блокнот, подаренный дедушкой... Если бы он только мог оказаться здесь... Но об этом Лидия решила не думать. Усевшись на стул, она стала рисовать мартышку. За пару минут она так погрузилась в работу, что не услышала, как открылась дверь.

— *Wat doe jij hierbinnen?!**

Лидия так испугалась, что уронила и блокнот, и карандаш. Перед ней потрясал кулаками Рембрандт.

— *Jij mag niet in mijn atelier zijn!***

Лидия не понимала ни единого слова. Какой ужас, она забыла голландский!

— Простите, — пробормотала она. — Я не нарочно, я не хотела никого обидеть, просто здесь так красиво и интересно... А мартышка схватила меня за волосы.

Старик только покачал головой. Он немного успокоился, но явно не понимал, что говорит Лидия. Как же так? Ведь вчера они преспокойно разговаривали... Тут Лидию осенило. Дрожащими руками она достала коробочку с пастилками и быстро

* Что ты здесь делаешь?! (нидерл.)

** Тебе нельзя в мою мастерскую! (нидерл.)

сунула одну в рот. Лишь бы подействовала! Старик недоверчиво смотрел на нее.

— Что это ты ешь? — сердито спросил он. — И что это за странный язык? Ты уж говори так, чтобы я понимал!

— Простите, — снова пробормотала Лидия и поспешила спрятать коробочку в карман.

Слава богу, теперь они снова могут говорить друг с другом. Пастилки действуют только сутки, как она могла забыть!

— Здесь тебе делать нечего, — решительно произнес старик. — Сюда вообще никому нельзя заходить без позволения, слышишь? Никому! Особенно детям — они бог знает что могут натворить. Похоже, ты непослушный ребенок. Почему ты не у Хендрикье на кухне?

— Простите, простите меня, — повторяла Лидия. — Просто здесь так много красивых вещей. И так приятно пахнет! И я ничего не трогала, честное слово.

— И слава богу. — Рембрандт поджал губы, хотя сердился явно меньше прежнего. — А теперь иди прочь, я буду работать.

Лидия кивнула. Она наклонилась, чтобы поднять с пола блокнот и карандаш, но старик ее опередил. Подняв блокнот, он стал рассматривать рисунок. Лидия смутилась: могла бы нарисовать и получше. Рембрандт наморщил лоб и провел пальцем по бумаге. Лидии очень хотелось попросить вернуть ей блокнот, но она не решалась.

— Это ты нарисовала? — спросил наконец старик.

Лидия неуверенно кивнула. Старик расхохотался.

— Точь-в-точь Петер! Та же дурашливая мордочка!

— Мартышку зовут Петер?

— Да, я назвал его в честь одного скупщика картин, настоящего остолопа, который ничего не смыслит в искусстве.

Он и сам рисует, совсем как Петер на твоей картинке. Хорошая работа!

Лидия покраснела, услышав похвалу. Ей было жаль мартышку, названную в честь того, кто так не нравился Рембрандту. Но обезьянке, похоже, не было до этого дела. Она соскочила на пол и чесалась возле одного из полотен.

— Я очень люблю ваши картины, — робко произнесла Лидия. — Я очень много их видела. Дедушка говорит, что вы величайший художник всех времен и народов.

Рембрандт ничего не ответил, но лицо его засветилось от удовольствия.

— Где же ты видела мои картины? — спросил он.

— В Национальной галерее в Стокгольме, — ответила Лидия. — И еще в альбомах по искусству.

— Стокгольм? Который в Швеции? — удивился Рембрандт. — Ты что-то путаешь, девочка. Не думаю, что мои картины могли попасть на край света.

— Ваши картины есть во многих музеях мира! — не сдавалась Лидия. — И в разных книгах. Хотя вы, конечно, этого не знаете — это будет в двадцать первом веке.

— Опять ты за свое. Брось выдумки! — строго произнес художник. — Такая талантливая девочка, а несешь чушь. Немедленно прекрати, а не то тебя отправят в сумасшедший дом. Ты видела мои картины в Голландии, ну или в Италии, или в Англии.

Лидия ничего не ответила. Она уже поняла, что не сможет объяснить, откуда она родом. Рембрандт ей не поверит. И в сумасшедший дом совсем не хотелось. Старик протянул ей блокнот.